

Валерий Бронников

Письмо из
деревни

Валерий Бронников

Письмо из деревни. Стихи

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бронников В. В.

Письмо из деревни. Стихи / В. В. Бронников — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Тему русской деревни упоминали в своих произведениях как великие авторы русской литературы, так и начинающие поэты и писатели. В последнее время всё чаще упоминается о запустении и вымирании русских деревень, спаде сельского хозяйства, оттоке молодёжи в крупные города, но деревни продолжают жить, устраивать себе юбилеи, пока их не покинет последний из оставшихся жителей, но и после этого они стоят на своём месте, приглашая к себе рабочие руки поправить забор, отколотить доски с окон, выкосить траву. Деревни терпеливо ждут...

Содержание

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ	5
Деревенская баня	7
Письмо из деревни	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Баллада о Самиздате

Сегодня я немножко рад,
Что обнаружил «Самиздат»,

Где без особого труда
Издать возможно, господа,

Свой скверный опус иль роман,
Стишок, рассказ иль пару драм.

Там бред к изданию берут,
А как же? – это тоже труд!

Труд бесовской, кошмарный иль
Весёлый, словно водевиль,

Иль политически смешной,
Или навеянный судьбой.

Проверку книги все прошли:
Читатель требует: «Пиши!»

Встаёт дилемма: как писать,
Коль книги некуда девать?

Ну, не хранить же в сундуке,
В серванте, в складе, в рюкзаке?!

И кто ж оплатит адский труд,
Коль их за деньги не берут?

Детишки любят почитать,
Но с них-то мзду грешно мне брать!

Тут к месту будет «Самиздат»
Без всяких денежных преград

С большим числом библиотек.
Сначала всё, как белый снег:

Не знаешь, как, с чего начать,
Как первый труд туда скачать?

Азы освоил, но беда:

При переносе – чехарда:

Компьютер первый «Роботрон»
С программой слабенькой «Фотон»

Не знали, что потом придёт
И Windows, и десятый Word.

И в том числе в ряду преград
Платформа книжек «Самиздат»,

Где буквы скачут и слова.
От них тупеет голова.
Несовместимость сих программ
Наводит сущий вред, бедлам!

То шрифт не тот, то, блин, размер,
То автор туп (пенсионер) –

Не может он никак понять,
Какую клавишу нажать!

Часы и дни пришлось терять,
Чтоб что-то в «ящике» создать.

Но, в общем, где-то «Самиздат»
Всё терпит и не бюрократ,

Всегда поможет, подсобит,
Хоть и не доктор Айболит!

Стал на сегодня друг и брат
Он lain-издатель «Самиздат!»

01.2018.

Деревенская баня

Как говорят: не для ленивых
Занятье баню истопить.
Сосновый сруб из бревен дивных,
В нем можно при желанье жить.

Все как обычно: печка, ковшик,
Два тазика, ушат воды,
Строгать лучину длинный ножик.
От листьев на полу следы.

В углу от веника остатки,
Как символ прошлого битья;
Ушанка, бритва, две перчатки,
Мочалка, мыло для мытья.

Дрова особая забота,
Полешки выстроились в ряд.
Наступит выходной, суббота,
Дровишки в печке загорят.

Поленья из сосны, осинки,
Уж лучше нечего желать;
И лучше, если серединки,
С корой не следует их брать.

Растопка сохла всю неделю,
От первой спички загорит.
Специально для этой цели
Береста на шестке лежит.

Вода с колодца иль с колонки;
Наношен бак ведром, ушат.
Устраивать не надо гонки,
Топить неспешно надо, брат.

Топить по вкусу, по желанью,
Чтоб камни грелись до красна.
Тут не поможешь делу бранью,
Тихонько жди – сгорит сосна.

Сгорят дрова и будут угли,
А в печке нестерпимый жар.
Исчезнут огоньков все кудри,
Закрывать трубу, какой базар?

Помыть же баню тоже нужно,
Надраить лавки и полук.
Голик с водою очень дружно
Втирают в пол речной песок.

Дать время баньке настояться,
Пройдет и час, и, может, два,
Тогда и время собираться,
Болезнь не будет голова.

Взять полотенце, новый веник;
Подругу прихватить с собой,
Питье же лучше квас иль тоник,
Брусничный морс или настой.

А вот, где градус, брать не надо,
Здоровью это повредит.
К чему излишняя бравада:
Вино и водка, пиво, спирт?

Ведь, баней надо насладиться,
Размять уставшие бока,
Усталость снять, водой помыться,
Попариться в жару слегка.

Хмель не изгонит с вас усталость,
Не снимет стресс, не сгонит хворь,
На время, лишь, притупит малость
Заботы, радость, горе, боль.

Предбанник встретит ароматом
Сосновых дров, теплом в лице.
Раздеться быстро, автоматом,
Как раздеваться, знают все.

Поддать парку с открытой дверью,
Угарный выветрить весь дух.
Приятно дальше будет, верю,
Хоть не делюсь приятным вслух.

Закрыта дверь, побольше пару,
Так, чтобы было его впрок.
Вдруг, сразу стало много жару,
Ползла пава на полук.

Заставил жар полка согнуться,
Две булки белые, сверкнув,
Как бы прося к ним прикоснуться,
Застыли, будто бы уснув.

Лениво тело распрямилось
И пава чинно улеглась.
В жару испариной покрылась
И наслаждалась паром всласть.

Фигура сонно разомлела,
Бесстыдно ноги разложив,
Бежали капли пота с тела,
Полок изрядно оросив.

Грудь бугорочками белела,
Сплелись волосики в жгуты,
Дышали паром поры тела
В преддверье дивной чистоты.

А веник уж в тазу замочен,
В крутом из бака кипятке,
Чтоб был он мягок, ласков, прочен,
Работал чутко, налегке.

Пройдут минуты неги, мленья
И, вот, момент «войны» настал.
В пылу азарта, исступленья
Я паву веником хлестал.

От головы до самых пяток,
От пяток вновь до головы,
Хворобу снять, пот и устаток
Пучком березовой листвы.

Чтоб пар не жег, спасет ушанка
И рукавицы на руках.
Тут не нужна стать и осанка,
Лишь бы рукою делать взмах.

Бить надо тоже не наотмашь,
Лист должен кожу приласкать,
А пар обжечь всю эту роскошь,
С полка, друг, надо красным встать.

Затем местами поменяться
И все с начала повторить.
Черед напарнице стараться,
А уж потом воды попить.

Предбанник обдаёт прохладой.
От жара надо отдохнуть,
Попить кваску иль лимонаду,

Так, чтоб очухаться чуть-чуть.

А можно в воду окунуться,
Зимой с мостков в сугроб нырнуть,
Кому уж как, что приглянется,
Куда фигуру окунуть.

В снегу, конечно, очень чудно,
Снег обжигает кипятком,
Нырнуть туда совсем не трудно,
Кто с процедурой сей знаком.

Но, грех чрезмерно увлекаться,
Остывши, можно заболеть.
Из снега сразу надо, братцы,
Обратно в жар, пар не жалеть!

А там уж можно и помыться;
Смыть грязь, усталость, пот и хмель.
Водою вволю насладиться,
Чтоб на ночь чистым лечь в постель.

Помыть мочалкой паве спинку,
Себе все части потерять,
Надраить тело, как картинку,
И, чтоб душа могла взлететь!

Процесс отнял задор и силы,
Настала слабость, «лепота».
Ослабли мышцы, мысли, жилы,
Осталась только чистота.

Быстрее водой ополоснуться,
Водичкой светлой ледяной,
Чтоб от тепла быстрее очнуться,
Одеться быстро и домой.

Приятно к телу прилегает
Сухое чистое белье;
Подруга двери прижимает,
Закончилось в тазу мытье.

Пройтись по улице приятно,
Жар так и пышет изнутри.
И, вот, домой идем обратно,
До дому чуточку пройти.

Процесс на этом не закончен:
Налить, поставить самовар;

Чаи гонять до самой ночи,
Хороший чай, цейлонский взвар.

Пока водичка закипает,
Прилечь, немного отдохнуть.
Любой районный житель знает,
Обсохнуть надо и вздремнуть.

Минут на десять и не больше,
Пока согреется вода.
Подолгу спать, мы чай не в Польше,
Ждет стопка к чаю и еда.

Грех после бани отказаться
Принять на душу – Бог велел!
В деревне принято стараться:
Кто опоздал, тот не успел.

За стол садятся к чаю чинно,
Семейно, дружно да ладом;
И не болтают беспричинно,
Тосты неспешно, чередом:

За легкий пар, под чай в субботу,
И просто так за что-нибудь.
Нам в выходной не на работу,
По утру можно отдохнуть.

Пьют чай помногу и неспешно,
Урчит тихонько самовар,
И чаепитие успешно
Напоминает Божий дар.

Сгустился тихо зимний вечер;
Мороз владенья навестил,
Спешит с луной ночной на встречу
Проверить всюду фронт и тыл.

А в деревенской русской бане
Погас последний уголек,
Остыли камни, капля в кране,
А на дверях большой замок.

11.2005.

Письмо из деревни

Привет и доброго здоровья!
Собрался о себе черкнуть,
Пока что, жив, не пью, здоров я.
(Нет, пью, бывает, но чуть-чуть).

Работа всякая в деревне:
Кому-то, что-то починить,
Хожу помочь друзьям в «харчевне»,
Могу паять, строгать, пилить.

Намедни сено вывез другу,
До луга ровно десять вёрст,
На сани брал с собой подругу
И хохотали там до слёз.

А друг бутылкой расплатился,
Ну, не бутылка, а бутыль,
Холодный пот поверх слезился,
А на него осела пыль.

Первач отменный, зашибает;
Сидели с другом до утра.
Затихло всё и пёс не лает.
Ночь, предрассветная пора.

А вскоре петухи запели,
Ушёл домой я из гостей.
Дела б не ждали, всё сидели,
Хозяйка – чудо, нет добрей!

Соседи справа коз купили,
А те, что слева, не живут;
Напополам всё распилили,
Так, видно, порознь и помрут.

А у Ивана Иннокентий
Дрова отправился рубить,
Работают у Ваньки дети,
Когда бросают резко пить!

Так, подрубил он две берёзы;
Они на третью улеглись.
В глазах у Кеши злость и слёзы,
Не раз сказал: «Всё провались!»

Тихонько третью подрубает,
Раздался треск и шелест крон.
Увидел Кеша – шаг до рая -
И выдавил невольно стон.

Но, к счастью, яма подвернулась,
Упал в холодное нутро.
Душа взлетела и вернулась,
Скажу я прямо: «Повезло!»

А после хвастал по деревне:
«Я хитрый, в яму сиганул,
Берёзы эти нипочём мне,
Я не учёл, что ветер дул».

У Аньки Зорька разродилась,
Хорош телок, прям караул!
Обмывка слишком долго длилась,
Телёнок ноги протянул.

Вчера соседская девчушка,
Всего пяти от роду лет,
Ползёт по лестнице подружка,
Ну, никакой управы нет!

«Тихонько! Трахнешься оттуда!» -
Кричу я ей издалека.
Ответ ребёнка – просто чудо,
В тупик поставила слегка.

«Ты думай, дядя! Я – лебёнок,
Ты что такое говоришь?
Пло это знаю я с пелёнок,
Ты хулиганство здесь твоишь.

А тлахаются дяди, тёти,
А я пока не подлосла».
Ну вот, опять томат в компоте,
Такие, брат, у нас дела.

Рыбачу нынче на озёрах,
Соседа Митьку брал с собой.
Попало много рыбы в вёршах,
А Митька был с похмелья, злой.

Попала щука нам в «тридцатку»,
Не щука – лошадь, крокодил.
Я наблюдал немую схватку,
Как Митька щучин хвост ловил.

Поймал. Схватил, что было силы,
Но хвост сквозь пальцы вдруг скользнул
И шучин ротик, очень милый,
За руку Митьку резанул.

Раздался вопль на всю округу,
Напарник руку так рванул,
Что не успел помочь я другу,
И за борт Митька унырнул.

А шуку после мы достали,
Смеялись дома от души,
Урон уловом наверстали,
Ушицу кушали в тиши.

Дымок костра, котёл вскипает,
Писк комаров – вечерний звон,
Закат без тучек, солнце тает
И тишина... со всех сторон.

Усталость, сон смыкает веки,
А трав, цветущих аромат
Заменит пиво, чебуреки.
Я был рыбалке нашей рад!

Весной охотился на уток,
За речку вздумал перейти.
Ночное время было суток,
Но по льду не было пути.

Река набухла сильно, вздулась,
Вода от берегов до льда,
Но страсть охотничья проснулась
И не страшна была беда.

Мужик на лодке переправил
И высадил на кромку льда,
Я бодро шаг вперёд направил,
(Сойти б на берег без вреда).

Нашёл, где берег близко, рядом,
Шугой забито метров пять,
И сиганул со льда солдатом,
Застрял, могу, лишь, так стоять.

Дно я достал, водица льётся
В одежду, куртку, сапоги;
И холод жуткий в душу рвётся,

Но не могу поднять ноги.

Зажат шугой по руки, ноги;
Смешно, сдержаться не могу.
Здесь не дожидаться мне подмоги,
Спасенье там, на берегу.

С трудом, но вылез, весь продрогший,
Разделся, выжал всё, что мог,
А вечер выдался хороший,
Я побежал вдаль без дорог.

Согрелся бегом, путь продолжил,
Тетеревиный встретил ток.
Тепло, подсох, немножко ожил,
Но не ходить не дал зарок.

А крайний дом на горке помнишь?
Сгорел дотла, лишь, печь торчит.
Вот так вот, топишь печи, топишь,
А от искры весь дом сгорит.

Жила там, помнишь, тунеядка,
А двор был, словно, проходной.
Ходили к ней мужи украдкой,
Да девы выпить по одной.

Веселье, гам, дым от окурков,
Окурки кто-то заронил.
Проспала дым с похмелья Шурка,
Огонь возник и вдруг ожил.

Она-то вышла бедолага,
Спросонья выпучив глаза,
Стоит, не может сделать шага,
Видать, застыли тормоза.

А мужики всё ловят сёмгу,
У ней опять в июне ход,
Намедни видел в баре Сёмку,
Он рассказал мне про народ.

Заплыв теперь, не то, что раньше,
Сеть метров двести вширь реки.
Нет ничего со щели краше,
Когда рыбачат рыбаки!

И рыбнадзоры здесь не дремлют,
Для мужика всегда запрет,

Никак мужи в верхах не внемлют,
Что не от лова рыбы нет.

Её чем могут, тем и травят,
Вода, как каша, зелена,
Спускают дрянь, заводы ставят,
Не с теми борется страна.

А рыбнадзоры выполняют,
То, что задумают верха,
И ездят ночью, охраняют
Рыб от простого мужика.

А разрешение есть, однако,
На удочку ловить ерша,
А раки есть, то можно раков,
С ерша ушица хороша!

Вчера приехала завклубом,
Краса девица и душа.
Кормил ребят я малых супом,
В окно смотрел – шла не спеша.

Шла по дороге к дому слева
Средь сосен рослых и елей.
Стройна, пушинка, а не дева,
И всё, казалось бы, при ней.

Причёска, гордость и осанка,
Фигура, голос и лицо.
Такая может спозаранку
Пол подмести, помыть крыльцо.

Её работа не остудит,
А только краше будет фон.
Кто работающую осудит?
Хвала всегда, со всех сторон.

Одета скромно и прилично,
Не блещет телом напоказ,
Как топ-модель в углах столичных,
Где бриллиант заменит страз.

Ей не нужна к лицу раскраска,
Духи – затмить вчерашний хмель,
Лицо свежо всегда, не маска,
А на лице весна, апрель.

Сравнил её с цветущим лугом,

Где зелень трав из лучших снов,
Где не шумит метель и вьюга,
Где нет прокуренных мозгов.

Вот так: увлёкся описанием
Воздушной дивной красоты.
Я расскажу (хоть с опозданием),
Был случай в дебрях суеты:

Могилу рыть пошли сельчане
В ночь, накануне, чтоб начать.
И кто-то был пред этим в бане,
Принёс с собой, чтоб пар унять.

Не рассчитали, вдрызг напились
И стали место покидать.
Как ни старались, ни рядились,
Один улёгся в яме спать.

Прохладно, ночь, темно и тихо,
Емеля начал замерзать,
В чумной башке проснулось лихо,
Почувствовал, что надо встать.

Уткнулся в стены (все четыре),
«Что ж я такое натворил?
Всё было скромно, чинно, в мире;
Кто ж в каталажку посадил?

Что плохо сделал? Режь, не помню».
Гудит и стонет голова,
Душа свербит и хочет волю,
Хоть стопку б с царского стола!

Сел в уголок, замучил холод,
Пришло сознание, вечер всплыл,
Сидеть и мёрзнуть – был не молод,
Тихонько вспомнил, что здесь рыл.

Но вылезть сам не смог бедняга,
Сел дожидаться до утра.
Была на завтра здесь бодяга,
Пришли, а яма занята.

Смеялись после всей деревней
Над задачей чудака,
Но соблюли обычай древний:
Согрели стопкой мужика.

Ходили летом за малиной,
В малинник, что за десять вёрст;
Разросся в дебрях с паутиной
Средь старых ёлок и берёз.

Малины много, но не густо,
Ходить приходится, искать.
Кой-где красно, а где-то пусто,
А стебли надо раздвигать.

Сынишка двадцати годочков
Увлёкся и ушёл один
В сторонку, поискать грибочков
Средь старых сгнивших деревин.

Кусты раздвинул и опешил:
Средь сочных ягод, словно джин,
Медведь, скорей не джин, а леший,
Сидит, малину ест один.

Нос к носу изучали строго
Друг друга в фас и взгляд в упор,
Но Мишка сыт и ягод много,
Не состоялся «разговор».

Медведь провёл по стеблю лапой,
Поднёс к губам бесплатный дар
Зачавкал молча, тихой сапой,
Зачмокал сладостный нектар.

Сын сдвинул куст, полез обратно,
Назад от встречи роковой,
Смотреть на пир весьма занятно,
Но для медведя он чужой.

Сын испугался, это точно,
А Мишка, видно, не успел:
В кусте сидел, как в кресле, прочно
И, не спеша, малину ел.

Евламий дом срубить затеял,
Лес заготовил, стойки, тёс.
В совхозе он пахал и сеял
И мастер был, на руки спрос.

Срубил венец, другой надстроил.
«Что, забелело?», – сам спросил.
Коньяк в сельпо немного стоил,
Сруб, как положено, обмыл,

А утром обмывать продолжил.
Прошла неделя, месяц, год.
Недолго сруб на свете пожил:
Грибок подъял, не сруб – урод.

Так и стоит подгнивший остов –
Евламий пьёт, всё недосуг.
Нет на сие занятие ГОСТов,
Чтоб не марать рабочих рук.

А люди в город выезжают –
Работы нет, пропал совхоз –
Дома, хозяйство оставляют,
Кто не уехал – на погост.

Душа не внемлет перестройки:
Разруха, хаос, воровство.
В селе упадок очень стойкий,
На почве пьянки озорство.

Дома естественно пустеют,
Частично кто-то продаёт,
Стоят, ветшают и стареют,
Ждут – покупатель к ним придёт.

Вот и сосед продать задумал,
Свой дом, пустующий давно,
Уехал в град, где много шума,
Где каждый день в окне кино.

Назначил сумму, дал рекламу
И ждёт, когда придёт клиент,
Но нет здесь спроса, ну, ни грамму,
Хоть отдавай весь дом в презент.

И не желает покупатель
Враз раскошеливать казну.
Сосед воскликнул: «Ну, так, нате!» -
И прирастил на треть цену.

Так и стоит дом, догнивает,
Возможно, ждёт гостей в село.
Пророс бурьян, забор ветшает,
Сквозь крышу сверху протекло.

На берегу мысок промыло,
Когда прилив, бурлит поток,
Приливом Петьку отделило,

Он к нам попасть никак не мог.

И переплыть поток задумал,
Разул ботинки, положил,
Нырнул, поплыл средь волн и шума,
Да вот, ботинки взять забыл.

С потока вылез, отдышавшись,
Шатаясь, посмотрел, что бос,
Уставши очень, но не сдавшись,
Шагнул обратно, снять вопрос.

Преодолея поток бурлящий,
Обулся в обувь и... поплыл.
Смотреть всё – ужас леденящий,
Боролся из последних сил.

Едва доплыл, но снова вышел,
Но, видно, всё же нет чудес:
Босой был Петька, голос слышен:
«Ботинки сдёрнул где-то бес!»

Другой же случай был подобный
Здесь жарким летом на реке,
Хмельной мужик в момент удобный
Поплыл в одежде налегке.

С того поплыл на этот берег,
Где жизнь, народ, село, дома.
Река тиха, никак не Терек,
И летом очень уж скромна.

А с середины закричал он,
Бедняга выбился из сил.
Хмель, не прошедший, правил балом,
Я, к счастью, в лодке рядом был.

Подъехал, вытащил хмельного,
На берег твёрдый перевёз.
«Менты» возникли. Что такого?
Но дальше всё смешно до слёз:

Мужик, завидев вдруг машину,
Как трезвый, резво побежал
В сырой одежде, прыгнув в глину,
Вдоль берега подмётки рвал.

В тот год с похмелем было строго,
Борьба с вином зашла в тупик.

Не видел президент иного,
Как виноград пустить «на пшик».

С друзьями был я на охоте,
Гусей решили пострелять,
Заночевали на болоте,
Чтоб по утру на зорьке встать.

Зажгли от ёлки корневище,
Легли у «грелки» отдыхать.
Тепло на мокром становище,
Стал я тихонько засыпать.

И снится, что уж очень жарко,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.